

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.09.2026 г.

DOI: 10.24412/3033-6724-2026-3-94-98

БОРОВИКОВА Анастасия Александровна,
магистрант, Северо-Западный филиал федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева»,
Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

ИНСТИТУТ СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КОНТРОЛИРУЮЩИХ ЛИЦ ПО ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМ «БРОШЕННЫХ» КОМПАНИЙ

Аннотация. Статья посвящена анализу института субсидиарной ответственности контролирующих лиц по обязательствам юридических лиц, исключенных из ЕГРЮЛ в административном порядке, а также тех, которые формально продолжают действовать, но фактически являются «брошенными». Рассматриваются статистические тенденции, правовая природа ответственности, эволюция судебной практики, обозначаются дискуссионные вопросы и перспективы дальнейшего развития института. Особое внимание уделяется новейшим разъяснениям Верховного суда РФ.

Ключевые слова: субсидиарная ответственность, контролирующие лица, недействующее юридическое лицо, исключение из ЕГРЮЛ, общество с ограниченной ответственностью, деликтная ответственность, бремя доказывания, презумпция вины.

BOROVIKOVA Anastasia Alexandrovna,
Master's student, North-Western Branch of the
Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev,
Saint Petersburg, Russia

THE LEGAL MECHANISM OF SUBSIDIARY LIABILITY OF CONTROLLING PERSONS FOR THE OBLIGATIONS OF "ABANDONED" COMPANIES

Annotation. The article analyzes the legal mechanism of subsidiary liability imposed on controlling persons for the obligations of legal entities that have been administratively removed from the Unified State Register of Legal Entities (USRLE), as well as those that formally remain active but are effectively "abandoned." The author examines statistical trends, the legal nature of such liability, and the evolution of judicial practice, while highlighting controversial issues and prospects for the future development of this legal mechanism. Particular attention is paid to the latest clarifications issued by the Supreme Court of the Russian Federation.

Key words: subsidiary liability, controlling persons, inactive legal entity, removal from the USRLE, limited liability company, tort liability, burden of proof, presumption of fault.

Институт субсидиарной ответственности контролирующих лиц по обязательствам юридического лица, исключенного из ЕГРЮЛ в административном порядке, является одним из наиболее динамично развивающихся направлений отечественного корпоративного права. Статистические данные наглядно демонстрируют масштаб проблемы: количество организаций, прекративших деятельность в связи с исключением из реестра по решению регистрирующего органа, в 2025 году достигло 206,2 тыс., что на 20,4% превысило показатель предыдущего года.^[1] При этом значительная часть таких субъектов исключается как недействующие, то есть в течение 12 месяцев не представляющие отчетность и не осуществляющие операций по банковским счетам. Подобная практика создает благоприятную почву для зло-

употреблений, когда недобросовестные участники оборота фактически «бросают» компании с непогашенными долгами, рассчитывая на их административное исключение из ЕГРЮЛ без проведения ликвидационных процедур. Именно на противодействие таким явлениям направлен рассматриваемый правовой механизм, закрепленный в п. 3.1 ст. 3 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 04.08.2026) «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее - ФЗ «Об ООО») и п. 3 ст. 64.2 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) (далее - ГК РФ).

Данные за первое полугодие 2026 года свидетельствуют о некотором замедлении административной ликвидации недействующих компаний: по сравнению с аналогичным периодом 2025 года

количество исключенных из ЕГРЮЛ по решению ФНС снизилось на 13,1% (со 117,0 тыс. до 101,7 тыс.), из них как недействующие – на 43,2% (с 21,5 тыс. до 12,2 тыс.).[2] Тем не менее проблема «брошенного бизнеса» сохраняет остроту, а Верховный Суд РФ в Обзоре практики рассмотрения арбитражными судами дел по корпоративным спорам о субсидиарной ответственности контролирующих лиц по обязательствам недействующего юридического лица, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 19.11.2025 года (далее - Обзор от 19.11.2025 года) констатировал, что «брошенные» и не ликвидированные компании с долгами более не являются безопасным «щитом» для тех, кто сознательно довел их до такого состояния.

Пункт 3.1 ст. 3 Закона «Об ООО» вступил в силу летом 2017 года. Его появление стало закономерной реакцией на широкое распространение практики уклонения от ликвидации корпораций, имевших задолженность перед кредиторами, а также механизмом борьбы с фирмами-однодневками. Как отметил Конституционный Суд РФ в Постановлении Конституционного Суда РФ от 21.05.2021 N 20-П «По делу о проверке конституционности пункта 3.1 статьи 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» в связи с жалобой гражданки Г.В. Карпук», обосновывающий предпосылки зарождения анализируемого института, завершение деятельности юридического лица через полноценные ликвидационные процедуры сопряжено со значительными временными и финансовыми издержками, что стимулирует контролирующих лиц к бездействию и последующему административному исключению компании из реестра. Такой способ прекращения правосубъектности, минуя необходимые для защиты кредиторов стадии, не может рассматриваться как добросовестное поведение.

Важно отметить, что специальная норма п. 3.1 ст. 3 Закона «Об ООО» очевидно применяется только к обществам с ограниченной ответственностью. В отношении иных организационно-правовых форм, прежде всего акционерных обществ, судебная практика порой использует аналогию и ссылается на более общую норму п. 3 ст. 64.2 ГК РФ, который устанавливает правило о возможности привлечения к ответственности контролирующих лиц при исключении недействующего юридического лица из ЕГРЮЛ. Однако единообразный подход пока не сложился. Причины внедрения анализируемого механизма только для одной организационно-правовой формы авторы видят по-разному: одни высказывают предположение, что для акционерных обществ механизм неприменим, так как они являются в первую очередь объединением капиталов, другие полагают, что это связано с более простым способом учреждения обществ с ограниченной ответственностью и соответственно с большими возможностями их «бросить», третьи объясняют указанное спешкой законодателя в реагировании на массовые злоу-

потребления связанные, именно с обществами с ограниченной ответственностью.[1; 2; 3]

Ответственность, предусмотренная п. 3.1 ст. 3 Закона «Об ООО», по своей правовой природе является деликтной. Однако первоначально судебная практика воспринимала ее как полноценную разновидность субсидиарной ответственности, применяя к ней правила п. 1 ст. 399 ГК РФ: сам факт исключения недействующего общества из ЕГРЮЛ рассматривался как отказ основного должника от исполнения обязательства и фактически презюмировал недобросовестность и неразумность бездействия контролирующих лиц, выразившегося в несдаче отчетности и отсутствии операций по счетам. Однако Определением Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 30 января 2020 г. № 306-ЭС19-18285 по делу № А65-27181/2018 такой подход был скорректирован. Теперь ответственность по данной норме воспринимается как ответственность за причинение вреда, а потому требует доказывания недобросовестности или неразумности действий (бездействия) контролирующих лиц. Конституционный Суд РФ в Определении от 26 марта 2020 г. № 630-О Конституционный Суд и Постановлениях от 21.05.2021 г. № 20-П и от 07.02.2023 г. № 6-П указывал, что анализируемый механизм выступает мерой гражданско-правовой ответственности, направленной на защиту нарушенных прав кредиторов и восстановление их имущественного положения, а для ее возложения необходимо установление всей совокупности условий деликта.

При этом специфика состава проявляется в том, что противоправность, как правило, выражается не в активных действиях, а в недобросовестном и неразумном бездействии: неисполнении обязанности по ликвидации, несдаче отчетности, непринятии мер по погашению задолженности и воспрепятствованию исключению общества из реестра. Вред заключается в утрате кредитором возможности получить удовлетворение за счет имущества должника, которое могло быть выявлено и реализовано в ходе ликвидации. Причинная связь выражается в бездействии контролирующего лица и наступившей невозможности расчетов с кредиторами. При этом, как было уточнено ВС РФ в Определении от 30 января 2020 г. № 306-ЭС19-18285 по делу № А65-27181/2018, необходима совокупность трех составляющих, так как само по себе исключение юридического лица из ЕГРЮЛ в результате действий (бездействия) контролирующего лица или само по себе неисполнение обязательств перед кредитором не является достаточным для возложения ответственности.

Вина может существовать в форме умысла или неосторожности, но в правоприменительной практике акцент смещается на установление фактов недобросовестности или неразумности поведения, что фактически совпадает с объективной стороной.

Первоначально суды подходили к распреде-

лению бремени доказывания по данной категории споров формально, исходя из положений ст.15 ГК РФ, возлагая на истца обязанность доказать все элементы состава правонарушения, включая недобросовестность действий ответчика и причинную связь. Такое положение создавало значительные трудности для кредиторов, поскольку они, как правило, не обладали доступом к внутренней документации должника и информации о его хозяйственной деятельности. В результате процент удовлетворения требований оставался крайне низким: по некоторым оценкам, около 80% исков отклонялось.

Переломным стало принятие Постановления Конституционного Суда РФ от 21.05.2021 № 20-П. Суд указал, что для кредиторов - физических лиц, чьи требования не связаны с предпринимательской деятельностью и подтверждены судебными актами, доказывание неразумности и недобросовестности действий контролирующих лиц объективно затруднено. В связи с этим была сформулирована опровержимая презумпция: предполагается, что именно бездействие контролирующих лиц привело к исключению корпорации из ЕГРЮЛ и, как следствие, к невозможности исполнения обязательств перед кредитором, пока не доказано иное.

Позднее, в Постановлении от 07.02.2023 № 6-П Конституционный Суд РФ распространил подобный подход и на кредиторов - субъектов предпринимательской деятельности, указав, что при установлении недобросовестного процессуального поведения контролирующих лиц бремя доказывания отсутствия оснований ответственности переходит на ответчика.

Верховный Суд РФ, развивая эти правовые позиции, в серии Определений (от 15.12.2022 № 305-ЭС22-14865, от 26.04.2024 № 305-ЭС23-29091, от 27.06.2024 № 305-ЭС24-809, от 30.05.2025 № 305-ЭС24-24568) сформулировал устойчивый подход, закрепленный впоследствии в Обзоре от 19.11.2025 года. В настоящее время кредитор при обращении с иском о привлечении к субсидиарной ответственности по обязательствам недействующего юридического лица обязан доказать: наличие и размер задолженности, признаки, характеризующие должника как недействующее (фактически прекратившее деятельность) юридическое лицо, статус ответчика как контролирующего лица. После представления таких доказательств, а также при наличии убедительной совокупности косвенных доказательств, свидетельствующих о недобросовестности поведения ответчика, бремя опровержения переходит на контролирующее лицо. Последнее должно раскрыть документы, объяснить причины неисполнения обязательств и прекращения деятельности, доказать, что его поведение не выходило за пределы обычного предпринимательского риска и не было направлено на нарушение прав кредиторов. При отказе от дачи пояснений или явной их не-

полноте суд вправе исходить из презумпции вины ответчика.

Таким образом, распределение бремени доказывания в рассматриваемой категории споров трансформировалось от классического подхода к динамической модели, учитывающей информационную асимметрию и процессуальные возможности сторон. Тем самым институт субсидиарной ответственности по обязательствам недействующего юридического лица перестал быть лишь нормативной декларацией, превратившись в действенный инструмент защиты прав кредиторов.

Ответчиками по искам о привлечении к субсидиарной ответственности на основании п. 3.1 ст. 3 ФЗ «Об ООО» выступают лица, перечисленные в пп. 1-3 ст. 53.1 ГК РФ: единоличный исполнительный орган (директор), члены коллегиальных органов управления, а также лица, имеющие фактическую возможность определять действия юридического лица (участники, конечные бенефициары, «теневые» руководители).

При этом сам по себе статус участника и директора не презюмирует вину в невозможности погашения долга (п.6 Обзора). Данный вывод имеет особое значение для единственного участника, одновременно выполнявшего функции единоличного исполнительного органа, поскольку именно такие лица в рассматриваемой категории споров чаще всего оказываются наиболее уязвимыми. С одной стороны, кредитору проще всего строить доказательственную базу против лица, совмещавшего статусы, а с другой – общее правило о перераспределении бремени доказывания, обусловленное информационной асимметрией, ставит таких ответчиков в заведомо сложное положение.

Обзор от 19.11.2025 года обращает особое внимание на следующие категории субъектов ответственности:

- миноритарные участники (по общему правилу не признаются контролирующими лицами, если их фактическое влияние на деятельность общества не доказано);

- номинальные директора (могут быть привлечены к ответственности, если их действия способствовали исключению общества из реестра без расчетов с кредиторами, однако при активном содействии выявлению реального контролирующего лица размер ответственности может быть снижен либо лицо освобождается от нее).

Споры о привлечении к субсидиарной ответственности по обязательствам исключенного юридического лица рассматриваются арбитражными судами в порядке искового производства как корпоративные споры, что отражено в п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2021 № 46. Подсудность определяется по месту нахождения юридического лица до его исключения из ЕГРЮЛ, если запись о месте нахождения не признана недостоверной; в противном случае спор рассматривается по предыдущему месту нахождения (п.18 Обзора от 19.11.2025

года). Указанное обусловлено тем, что спор вытекает не из личных обязательств контролирующего лица, а из обязательств корпорации. Такой подход обеспечивает доступность доказательств (более быстрое истребование доказательств, например, в ФНС, где корпорация стоит на учете) и предотвращает попытки искусственного изменения подсудности, можно сказать «банкротного туризма» во внебанкротных делах.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о действии п. 3.1 ст. 3 ФЗ «Об ООО» во времени. Первоначально судебная практика исходила из того, что указанная норма, вступившая в силу 30.07.2017 года, не применяется к обязательствам, возникшим до этой даты, в силу общего принципа недопустимости обратной силы закона. Такой подход нашел отражение в определениях ВС РФ (например, Определениях от 20.12.2021 № 301-ЭС21-23669, от 02.08.2021 № 305-ЭС21-11796, от 30.07.2021 № 305-ЭС21-11701). Однако впоследствии правовая позиция была пересмотрена. В пункте 9 Обзора от 19.11.2025 года Верховный Суд РФ разъяснил, что контролирующие лица могут быть привлечены к субсидиарной ответственности по обязательствам недействующего юридического лица и в том случае, если задолженность перед кредитором возникла до вступления в силу п. 3.1 ст. 3 ФЗ «Об ООО». Суд обратил внимание на п. 3 ст. 64.2 ГК РФ, который действовал и до появления нормы в специальном законе и не исключал возможности привлечения контролирующих лиц к ответственности в форме возмещения кредиторам убытков, причиненных исключением юридического лица из ЕГРЮЛ.

Долгое время оставался неразрешенным вопрос о необходимости предварительного подтверждения убытков в судебном порядке. Иногда суды разрешали вопрос в пользу кредиторов, освобождая от необходимости просуживания задолженности. Обзор от 19.11.2025 года внес определенность в вопрос о необходимости предварительного судебного подтверждения долга, разъяснив, что наличие вступившего в законную силу судебного акта о взыскании долга с самой компании не является обязательным условием для предъявления иска к контролирующим лицам. Кредитор вправе доказать факт и размер долга непосредственно в процессе о привлечении к субсидиарной ответственности. Указанное представляется верным с точки зрения деликтной природы правоотношения. Однако, как правило, наличие подтвержденного требования существенно облегчает доказывание.

Важное значение для практики имеет и позиция высшей судебной инстанции о том, что неподдача кредитором возражений против исключения должника из ЕГРЮЛ не образует основания для освобождения контролирующего лица от ответственности или уменьшения ее размера. Как разъяснено в п. 4 Обзора от 19.11.2025 года, такая пассивность кредитора является лишь реали-

зацией его процессуального усмотрения и не влияет на оценку поведения контролирующего лица. Кредитор не должен нести неблагоприятные имущественные последствия того, что он не смог помешать контролирующим лицам «бросить» бизнес и уклониться от расчетов.

Срок исковой давности по требованиям о привлечении к субсидиарной ответственности начинает течь не с даты исключения компании из ЕГРЮЛ, а с момента, когда кредитор фактически узнал или должен был узнать о наличии оснований для привлечения контролирующих лиц к указанной ответственности (п.10 Обзора от 19.11.2025 года). Указанное положение снимает сложность в определении точки отсчета срока давности, о которой упоминается в доктрине.[4]

До недавнего времени правоприменительная практика связывала возможность обращения с иском о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности с фактом исключения должника из ЕГРЮЛ. Однако такой формальный подход создавал возможность для недобросовестных лиц искусственно затягивать процедуру исключения, поддерживая видимость деятельности, подавать возражения на предстоящее исключение, пытаясь не допустить ликвидации. В Определении СКЭС ВС РФ от 21.02. 2025 года №305-ЭС24-22290, а впоследствии и в п. 7 Обзора от 19.11.2025 года, Верховный Суд РФ прямо указал, что если юридическое лицо фактически прекратило деятельность, отвечает признакам недействующего (длительное непредставление отчетности, отсутствие операций по счетам, недостоверные сведения о нем и т.п.), но еще не исключено из реестра, кредитор вправе обратиться с иском к контролирующим лицам, не дожидаясь формального исключения. Применяя телеологическое толкование, высший судебный орган, по сути, отступил от буквального смысла п. 3.1 ст. 3 ФЗ «Об ООО» (толкование *contra legem*), указав, что фактически недействующее юридическое лицо, хотя и не исключенное из ЕГРЮЛ, экономически тождественно ликвидированному, в силу чего отсутствуют основания для пониженной правовой защищенности его кредиторов по сравнению с кредиторами уже исключенных из реестра организаций.

Кроме того, судебная практика распространила возможность предъявления иска к контролирующим лицам и на случаи, когда должник формально еще не исключен из ЕГРЮЛ и даже может сохранять признаки хозяйственной деятельности, однако имеются обстоятельства, свидетельствующие о недобросовестном использовании корпоративной формы. К таким обстоятельствам относятся: продолжение получения должником доходов при уклонении от погашения задолженности, недостоверные сведения о юридическом лице, перевод должником денежных средств третьим лицам с целью уклонения от расчетов с кредитором, вывод активов компании на сче-

та контролирующего лица, перевод бизнеса на аффилированную компанию, в результате чего прежнее юридическое лицо утрачивает способность исполнять обязательства перед кредиторами. В подобных ситуациях суды исходят из того, что сохранение формальной записи в реестре не должно препятствовать восстановлению прав кредиторов, если фактически имущественная база должника сформирована или выведена под контролем лица, привлекаемого к ответственности.

Анализ развития законодательства и судебной практики показывает, что субсидиарная ответственность по обязательствам исключенного (недействующего) юридического лица превратилась из узко специализированного инструмента в полноценный механизм защиты кредиторов, активно применяемый в условиях роста числа административно ликвидируемых компаний. Произошло существенное смягчение бремени доказывания для кредиторов и распространение механизма на случаи фактического прекращения деятельности до формального исключения из реестра. Вместе с тем сохраняется ряд дискуссионных вопросов, касающихся непосредственно этого вида ответственности, в частности, о допустимости применения нормы к акционерным обществам, о пределах ответственности номинальных руководителей и миноритариев, об оптимальном распределении бремени доказывания с учетом принципа равенства сторон, о соотношении внебанкротной субсидиарной ответственности с другими видами ответственности, а также ряд вопросов, касающихся института ответственности контролирующих лиц в целом, например, о доказывании фактического контроля, о разграничении добросовестного и недобросовестного поведения. Дальнейшее совершенствование данного института должно быть направлено на обеспечение баланса интересов

кредиторов и добросовестных контролирующих лиц, исключая как чрезмерную защиту последних, так и необоснованное возложение на них рисков, не связанных с их виновным поведением.

Список литературы:

- [1] Андреев В.К., Лаптев В.А. Корпоративное право современной России: монография. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2023. 432 с.
- [2] Двадцать пять лет российскому акционерному закону: проблемы, задачи, перспективы развития / отв. ред. Д.В. Ломакин. Москва: Статут, 2021. 414 с.
- [3] Филипенко Н.В. Внебанкротная субсидиарная ответственность лиц, контролировавших общество с ограниченной ответственностью // Арбитражные споры. 2023. № 1. С. 38–69.
- [4] Современное корпоративное право: актуальные проблемы теории и практики: монография / О.А. Беляева, С.А. Бурлаков, М.М. Вильданова и др.; отв. ред. О.В. Гутников. Москва: ИЗиСП, Статут, 2021. 528 с.

References:

- [1] Andreev V.K., Laptev V.A. Corporate Law of Modern Russia: A Monograph. 3rd ed., revised and supplemented. Moscow: Prospekt, 2023. 432 p.
- [2] Twenty-Five Years of the Russian Joint-Stock Company Law: Problems, Tasks, and Development Prospects / Ed. by D.V. Lomakin. Moscow: Statut, 2021. 414 p.
- [3] Filipenko N.V. Subsidiary Liability of Persons Controlling a Limited Liability Company Outside of Bankruptcy Proceedings // Arbitration Disputes. 2023. No. 1. P. 38–69.
- [4] Modern Corporate Law: Current Issues of Theory and Practice: A Monograph / O.A. Belyaeva, S.A. Burlakov, M.M. Vildanova et al.; Ed. by O.V. Gutnikov. Moscow: IZiSP, Statut, 2021. 528 p.